

Солидарность как ценностно-смысловой комплекс: некоторые вопросы теории и практики исследования

Евгений Александрович Попов – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии. Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия.

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи – показать, что понимание солидарности как ценностно-смыслового комплекса открывает новые возможности не только для интерпретаций данного феномена, но и для совершенствования практик его научного исследования. В этой связи акцент сделан на выявлении положения ценностно-смыслового комплекса солидарности в известном кластере ценностных исследований – Всемирном обзоре ценностей. Выявлено, что ценности солидарности (равенство, справедливость и другие) несмотря на их прочное положение в социально-политической системе традиционных обществ, тем не менее в динамике ценностных структур современности трансформируются, что влечет к определенным изменениям в пространстве культуры и бытия человека. Таким образом, в статье показано, что солидарность как ценностно-смысловой комплекс является индикатором не только общественных изменений, но и социокультурных, связанных с трансформациями конкретных ценностных структур человеческого индивидуального и коллективного бытия.

Ключевые слова: солидарность, ценности, ценностно-смысловой комплекс, ценности солидарности.

Введение

В П Р Е Д Л А Г А Е М О Й статье ракурс исследования солидарности связан с ее социокультурной трактовкой. Несмотря на то что интерес к проблематике солидарности не ослабевает, тем не менее в научном дискурсе сложился определенный тренд, направленный на социальную рефлексию данного феномена. Это представляется вполне закономерным хотя бы по той причине, что одним из классиков в исследовании солидарности является социолог Э. Дюркгейм. И хотя в его работе «О разделении общественного труда» солидарность рассматривается достаточно широко и в соотношении ее социального и индивидуального проявлений, сам мыслитель отмечает: «солидарность – чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению» (Дюркгейм 1996: 71). Между тем «широкое поле» солидарности представлено не только сугубо социальными исследованиями, но и различными комплексными – социально-экономическим, социально-политическим и т.д. Однако солидарность как явление культуры заслуживает своего исследовательского поля прежде всего с позиций выявления его ценностного содержания. В отличие от убежденности Дюркгейма, связанной с невозможностью точного наблюдения и измерения солидарности, ценностная интерпретация данного явления, напротив, вполне к этому располагает.

Именно ценности и нормы по отдельности или же в совокупности чаще всего позволяют объективировать те или иные феномены культуры и, таким образом, становятся значимыми индикаторами, «снятие» которых прежде всего на эмпирическом уровне дает достаточные основания для эвристически ценных научных обобщений. Кроме того, следует, безусловно, учитывать то обстоятельство, что для современной реальности, вполне вероятно, необходим поиск нового ракурса концептуализации солидарности, в том числе на междисциплинарном уровне. Как считают некоторые авторы, «новое понимание солидарности формируется в контексте активной экспансии сетевой культуры» (Зубанова, Зыховская 2019: 120). Конечно, дело здесь не только и не столько в сетевой культуре как таковой, но, действительно, различные социокультурные явления и процессы, по сути, «требуют» иного подхода в интерпретациях солидарности. По-видимому, такой подход должен быть ориентирован на аксиоло-

гический «поворот», но в то же время по большей части может соответствовать междисциплинарным трактовкам. И в том и в другом случае солидарность с точки зрения социокультурного ракурса и/или подхода может быть измерена на уровне ценностных процессов, протекающих в современных условиях развития обществ. В настоящей статье ее основной целью выступает краткая характеристика ценностных структур солидарности, их границ, с использованием некоторых эмпирических данных Всемирного обзора ценностей.

Конечно, понятие границ здесь достаточно условно, но вместе с тем оно позволяет несколько сузить ценностное пространство до конкретного локуса, например, до Всемирного обзора ценностей. На примере данного авторитетного исследования можно продемонстрировать положение в нем ценностей солидарности. Подчеркну, что в самом обзоре мы не найдем понятия солидарности, его нет даже в кластере т.н. консолидирующих ценностей, однако в этом случае я воспользуюсь теоретической рамкой ряда зарубежных авторов, которые не только сам феномен солидарности представляют как ценностно-смысловое явление, но также относят к ценностям солидарности (values of solidarity) ценности равенства и единства (общности). С некоторой поправкой на то, что Р. Инглхарт, создатель и вдохновитель Всемирного обзора ценностей, основным акцент делал, как известно, на ценностях выживания и самовыражения (Инглхарт 2018), ценности солидарности, по мнению некоторых авторов, по степени их воздействия на индивидуальную и коллективную жизнь субъектов могут быть отнесены к кластеру консолидирующих (Arnsperger, Varoufakis 2003: 181). С другой стороны, среди представителей моральной философии и этики солидарности распространено мнение о том, что и ценность солидарности сама по себе, и ценности солидарности как таковые (и прежде всего к ним относимые равенство и справедливость), являются самостоятельными объектами для ценностных измерений и обобщений (Kolers 2016: 99-101; Laitinen, Pessi 2014: 73-79). Я разделяю данную точку зрения; по логике вещей она дает возможность в контексте предлагаемой статьи идентифицировать солидарность на уровне ценностей равенства и единения (общности). При всей сложности объективации солидарности прежде всего как (социо)культурного феномена я полагаю возможным не обращаться к сравнению различных трактовок солидарности, что может стать объектом исследования в других работах, в то же время за основу следует обратиться к следующему определению, имеющему значение для цели настоящей статьи:

Солидарность представляет собой идейно-ценностное ядро и регулирующий принцип современного российского конституционализма, предполагающий такую основанную на национальной социокультурной традиции и идентичности взаимообусловленность свободы и общего блага, при которой реализация автономной индивидуальности ориентируется и обеспечивается в направлениях и формах, способствующих совместным, объединительным, кооперативным началам, взаимной поддержке и взаимовыручке, устойчивому и комплексному развитию общества, а формирование и достижение общественной необходимости определяется в конечном итоге усилением потенциала самореализации человека и его вклада в общее целое (Зуйков 2025: 140).

При все том, что такую трактовку отличает «крен» в правоведение, однако, на мой взгляд, ее автору удалось отразить ракурс разных подходов и одного из ключевых – социокультурного. Следует при этом уточнить, что в аспекте идейно-ценностного понимания солидарности важное значение имеет осмысление рассматриваемого феномена как ценностно-смыслового комплекса; в таком случае можно предполагать, что в него включены различные ценностные структуры человеческого индивидуального и коллективного бытия, связанные, например, с гражданским обществом, активизмом, единением и т.д. Таким образом, солидарность предстает в контексте статьи как ценностно-смысловой комплекс, обеспечивающий духовную и социальную безопасность членов общества. Аспект безопасности становится ключевым, поскольку «затрагивает» ценности выживания и самовыражения, по Р. Инглхарту, и одновременно с этим усиливает различные проявления солидарности, т.к. именно забота о безопасности способствует объединению субъектов.

Новизна предлагаемого исследования заключается в выявлении положения ценностей солидарности в ценностном мире субъектов с привлечением итоговых результатов Всемирного обзора ценностей¹. При этом такой ракурс исследования направлен не столько на констатацию соотношения различных ценностных структур друг с другом, сколько на обнаружение трендов (не)востребованности солидарности для обеспечения безопасности членов общества. Во Всемирном обзоре ценностей за основу будет взят кластер т.н. консолидирующих ценностей, которые расположены «на границе» ценностных структур выживания и самовыраже-

¹ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>.

ния. Обращение к ним значительно расширяет «доступ» к анализу ценностей солидарности и прежде всего таких конкретных ценностных структур как равенство и единение (общность).

Теоретическая рамка

Как уже было отмечено, в настоящей статье определяющими методологическими подходами являются аксиологический и социокультурный исследовательские направления. Они задают логику исследования и позволяют расставить акценты в теоретической рамке. Меня прежде всего будут интересовать два момента: во-первых, определение «границ» солидарности скорее не как самостоятельного феномена социальной жизни субъектов, а как ценностно-смыслового комплекса, включающего определенные ценности или сочетающего различные ценностные структуры человеческого бытия; во-вторых, важно показать, насколько релевантной эмпирической базой исследования для достижения поставленной в статье цели является именно Всемирный обзор ценностей (далее сокращенно WVS).

Прежде всего следует обратить внимание на универалистские трактовки ценностного выражения солидарности. Так, Ш. Шварц, описывая универсалии в содержании и структуре ценностей, склонен относить консолидирующие ценности к универсальным, но, правда, с некоторой оговоркой, в частности, полагая, что они приобретают данное качество в связи с их противопоставлением индивидуальному активизму субъектов, включенных в общественные процессы (Schwartz 1992: 24-26). Такая обусловленность ценностно-нормативной определенности соотношением коллективного и индивидуального опыта солидарности/консолидации (и даже их противопоставлением) присутствует в ряде работ других авторов (Van de Vijver, van Hemert et al. 2008; Smith 2004, и др.). В то же время в анализе солидарности как ценностно-нормативного «регулятора» взаимодействий и отношений субъектов особо проявляется событийность: лежащее в основании солидарности конкретное значимое событие, например, революция или угроза миру становится выраженным фактором единения субъектов, но их солидарность чаще всего проявляется локально и как некий условный хронотоп, т.е. ее проявление обусловлено временем и местом протекания самого события. В том случае, если оно теряет свою актуальность в определенный момент времени, то скорее всего будет

утрачено и основание солидарности, но тем не менее остается открытым вопрос: сохранятся ли те ценностные установки, которые могли появиться в силу такого хронотопа. В частности, Дж. Холден считает необходимым учитывать при анализе солидарности фактор «центрации» ценностей, проявляющейся в перераспределении интересов и потребностей объединяющихся субъектов в связи с тем или иным значимым для них событием, на которое следует достаточно быстро реагировать (Holden 2006: 33-40). С другой стороны, в ситуации «выбора» основания для солидарности в связи с конкретным событием может возникнуть ценностно-нормативная неопределенность, оказывающая влияние на то, как одни ценности и нормы, составляющие содержание солидарности, могут трансформироваться или подменяться другими, например, инструментальными или конструктивистскими (Amy 2005).

Немаловажным ракурсом представляется оценка вариативности сохранения ценностей солидарности в их единстве: дело в том, что ценности подвержены динамике и трансформации; даже для общечеловеческих ценностей, являющихся незыблемыми в структуре индивидуального и социального бытия субъекта, характерны те или иные изменения; вероятно, этот момент следует учитывать и при исследовании ценностей солидарности. Так, некоторые авторы подчеркивают то обстоятельство, что любые ценностные кластеры способны менять приоритеты и даже сами ценности, а значит, все время следует делать некоторую оговорку относительно того, что речь идет конкретно о тех или иных группах ценностей (Балакирева 2023a; Балакирева 2023b; Попов 2023). То же самое важно учитывать при рассмотрении ценностей солидарности – «не выпадает» ли из их группы конкретная ценностная структура или конкретная ценность, не нарушается ли при этом единство ценностей в силу кризиса культуры, общественных, политических, экономических изменений и т.д. На этот счет можно обратиться к работам зарубежных авторов, подчеркивающих относительную стабильность ценностей солидарности по той основной причине, что они являются фундаментом для культуры и традиционных обществ. К примеру, М. Деббарма полагает, что «солидарный мир основывается на солидарных ценностях и наоборот; следовательно, если даже культура переживает кризис или застой, а традиционное общество точно так же переживает инерцию в своем развитии, солидарные ценности по-прежнему остаются фундаментом для будущего» (Debbarma 2020: 189). Примерно в таком же ключе рассуждают и Х. Дабулл с соавторами, пола-

гая, в частности, что «солидарность сама по себе является основополагающей ценностной структурой бытия и в таком качестве остается каркасом для развития культуры, обеспечения культурной безопасности» (Dobewall, Tormos et al. 2017: 270). Как видим, ценности солидарности с точки зрения исследователей обладают большей устойчивостью по сравнению с другими ценностными структурами, например, относящимися к терминальным или иным.

Обсуждение вопроса о солидарности как ценностно-смысловом комплексе среди современных исследователей нередко перемещается в плоскость не разграничения ценностей, а, напротив, их кооперации (конвергенции, консолидации, «кластеризации»). Так, например, некоторые авторы склонны считать, что ценности солидарности могут сохранять свое единство в силу группирования вокруг одной из ключевых ценностных структур, таких, например, как патриотизм или гражданственность (Ersoy, Öztürk 2015).

В любом случае ценности солидарности занимают свое положение в WVS – авторитетном многолетнем и многоцентровом исследовании, в котором представлены в том числе и сведения о российской реальности. Исследователи в последнее время довольно активно обращаются к эмпирическим данным WVS (Балакирева 2023а; Балакирева 2023b; Попов 2023; Мухаметов 2025; Волегов, Сомхишвили 2025; Левшин 2016; Коротаев, Зинькина и др. 2019; Фомичева 2020). Как отмечается,

«Всемирный обзор ценностей» основан на разработанной американским социологом Рональдом Инглхартом теории «человеческого развития» (или постматериализма), соединяющей экономизм Маркса и культурный детерминизм Вебера. Комплементарность и взаимозависимость этих двух подходов разворачивается Р. Инглхартом в довольно простую формулу: в современных капиталистических обществах достижение материального благосостояния и снижение отдачи от экономического роста влечет за собой масштабный культурный сдвиг, в рамках которого со сменой поколений происходит переход от материалистических ценностей к постматериалистическим (Левшин 2016: 98).

Конечно, это только одна из сторон в характеристике WVS; я разделяю точку зрения, согласно которой WVS отражает не только фактическую дифференциацию ценностей традиционных обществ, но и их консолидацию – ценности самовыражения и выживания не исчерпывают всей «структуры Всемирного обзора ценностей – они лишь показывают, в каком направлении происходит вымещение одних ценностных структур

из приоритетных и замена их на другие, и т.д.» (House, Hanges et al. 2004: 602-603). На этом основании можно утверждать, что WVS позволяет довольно широко трактовать структуру ценностных преобразований. Что же касается вопроса о релевантности эмпирической базы WVS для цели настоящей статьи, то здесь уместно сослаться на мнение исследователей, в частности, отмечающих, что WVS

позволяет устанавливать градиенты ценностных изменений прежде всего на уровне их *положения* в том или ином кластере ценностей, так, например, ценность семьи, относимая к кластеру ценностей выживания с характерным градиентом изменений в десятилетнем выражении $+0,0056$ (т.е. предельно стабильным, практически неизменяющимся), в кластере ценностей самовыражения тем не менее имеет совсем другой градиент, указывающий на серьезные изменения (курсив мой. – Е.П.) (Ibid.: 450).

Таким образом, теоретическая рамка позволяет рассматривать положение ценностей солидарности в WVS с учетом их отнесения к кластеру консолидирующих, оказавшихся на стыке ценностей самовыражения и выживания, как полагает, к примеру, ряд зарубежных исследователей (Van de Vijver, van Hemert et al. 2008: 71-79).

Ценность равенства

Равенство как ценность солидарности в разрезе WVS, действительно, является одной из «стабильных» по своему положению в кластере т.н. консолидирующих ценностных структур наряду с такими, например, ценностями как патриотизм, гражданственность и другими. Именно консолидирующие ценности занимают срединное положение между ценностями самовыражения и выживания, как их определял Р. Инглхарт. Вместе с тем исследователи полагают необходимым рассматривать солидарность в качестве «элемента» в кластере т.н. консолидирующих ценностей (Ersoy, Öztürk 2015: 981). Я же склонен полагать, что принципиальной смысловой разницы между этими группами или кластерами ценностей не имеется, однако для оценки их положения в WVS важно иметь в виду, что консолидирующие ценности «направлены» на процессуальные характеристики общественных отношений, протекающих в тех или иных условиях развития общества, культуры и человека, а солидарность выступает как некая завершенность или результат такого рода взаимодействий

(Arnsperger, Varoufakis 2003: 174). Для определения положения ценностей солидарности в WVS важное значение приобретает не разделение этих смыслов, а их конвергенция. Очевидно, что «потенциал» солидарности, который явно выражен в ценности равенства, способствует тому, что данная ценность занимает достаточно прочные позиции в WVS. Если проследить динамику такого положения, то она не является стремительно нарастающей или, наоборот, снижающейся по экспоненте. Вместе с тем в определенных границах хронотопа положение ценности равенства все же менялось, что лишний раз подтверждает достаточно чувствительную ее связь с конкретными обстоятельствами, например, странами или событиями. Поскольку в WVS преобладающим маркером изменений служит прежде всего оценка положения ценности в межстрановом сравнении, то с этой позиции «отношение» к равенству как ценности солидарности зависело от «принадлежности» к стране. В доминанте европейских государств заметная динамика такого положения приходилась на 5-ю (2005-2009 гг.) и 6-ю (2010-2014 гг.) волны исследований WVS: колебания составили $-0,1306$ пунктов. Такую динамику можно считать отрицательной, что указывает на смещение ценности равенства в кластер ценностей выживания. При этом более-менее значимыми признаются колебания в коридоре от $-0,0990$ и более до $+0,1020$ условных пунктов (conditional points) и более (Hofstede 2011: 5). С другой стороны, не возникает какой-либо смысловой «переориентации» ценности равенства в связи с ее положением в WVS в те периоды, когда осуществлялся замер ценностей, т.к. она по-прежнему не выходит за пределы консолидирующих ценностных структур. Единственный момент, вероятно, заслуживающий обсуждения, может быть связан с тем обстоятельством, что ценность равенства при смещении ее положения в кластер ценностей выживания первоначально могла быть отнесена к ценностям самовыражения в те периоды, когда ее динамики не наблюдалось. В другие периоды замеров WVS (например, волны № 4 и № 7) какие-либо изменения в положении ценности равенства являлись несущественными. Если вернуться к обсуждению предыдущей ситуации, то даже наблюдаемые изменения тем не менее не могут свидетельствовать о том, что ценность равенства каким-либо образом утрачивает свой «солидарный потенциал». Ее положение в WVS считается стабильным: она не выходит за границы консолидирующих ценностных структур. Предположу, что возникшие изменения могут быть связаны с какими-либо значимыми для стран Европы политическими или экономическими событиями в рассматриваемые временные отрезки,

например, в 2012-2014 гг. для большинства государств Евросоюза был характерен затяжной экономический кризис, повлекший за собой обострение ситуаций социального неравенства с заметной дифференциацией в социальной структуре бедных и богатых. Могли быть и иные объяснения таких ценностных колебаний. Что дает нам знание о положении ценности равенства среди других ценностных структур и в частности в рамках такого измерения как WVS? Прежде всего эвристическая значимость такого ракурса видится в возможности объективировать различные ценностные трансформации: так, например, по наличию «стабильности» положения той или иной ценности в ценностном мире субъектов мы можем сделать вывод об устойчивости процессов, протекающих в обществе в определенный период.

Общность в ценностно-смысловом комплексе солидарности

Относительно ценности единства (общности) исследователи полагают, что данная ценностная структура «приумножает солидарность» (increases solidarity), поскольку «часто примиряет субъектов, которые могут никогда не прийти к единому мнению, в ситуации, когда перед ними стоит определенный вызов со стороны обществ и государств» (Tausch 2015: 49). Единство/единение в таком случае может рассматриваться как такая ценностная структура, которая не просто соответствует признакам солидарности, но и поддерживает ее незыблемость и постоянство. В этой связи ожидается, что положение такой ценности в соответствующих рамках измерений будет оставаться стабильным и с точки зрения ее возможных перемещений в определенных кластерах ценностей (к примеру, между структурами выживания и самовыражения или другими), и в результате возможных трансформаций, вызванных потерей «веса» в предпочтениях субъектов. Стоит подчеркнуть, что именно ценность единства (общности), как об этом пишут некоторые авторы, являясь, по сути, фундаментом солидарности, одновременно с этим обеспечивает положительную динамику близких по содержанию ценностных структур – патриотизма, гражданственности, миролюбия, миропорядка и других (Ibid.: 31-32). Иными словами: положительная динамика демонстрирует отсутствие значимых отклонений в ценностных приоритетах современных тра-

диционных обществ. Такая динамика лишь отражает малозаметные колебания в положении конкретных ценностей и не свидетельствует о том, что со стороны субъектов отношение к ним каким-либо заметным образом изменилось в силу тех или иных причин. Это, вероятно, происходит за счет того, что ценность единства исторически складывалась как форма соучастия субъектов в общем деле – политическом, экономическом или ином (Kolers 2016: 90-92). Вместе с тем именно для такой столь стабильной по своему положению в WVS ценностной структуры характерно проявление нескольких особенностей.

От 5-й к 7-й волнам WVS, т.е. в период примерно с 2005 по 2022 годы, ценность единства (общности) не относилась к кластеру консолидирующих ценностей только во временном промежутке с 2010-2014 гг., т.е. ровно в тот же период, что и происходили значимые колебания в положении другой ценности – равенства, о чем речь шла в предыдущем разделе статьи. Ценность единства в указанное время смещалась к полюсу кластера ценностей выживания, что можно объяснить активно продвигаемой в различных странах Европы цивилизационной политической и экономической повесткой, как об этом, в частности, рассуждают некоторые авторы (Laitinen, Pessi 2014: 100-104). «Скрещивание» цивилизационной и национальной идентичностей могло способствовать поиску оснований солидарности в таких ценностных структурах, которые, действительно, оказывали заметное влияние на обеспечение выживания носителей культуры. Разумеется, данное наблюдение вовсе не отменяло того факта, что ценность единства (общности) утратила «связи» с консолидирующим кластером – она по-прежнему предопределяла прочность социальных связей, но в указанный период эта устойчивость зависела, по-видимому, уже не от объединения «вокруг идеи», например, экономического чуда, а от необходимости выживать в его отсутствие и/или длительное его ожидание. Логику такого измерения положения ценностей в WVS обосновал в частности профессор университета в Луисвилле Эйвери Колерс, отметивший, что позиционирование ценности единства (общности) как ценности выживания с преобладающим ее воздействием на круг цивилизационных исканий традиционных обществ в первые пять лет после 2010 года в значительной степени связано с трансформацией опыта солидарности, а не самой ценностной структуры (Kolers 2016: 97). Таким образом, смещение ценности единства в кластер ценностей выживания вряд ли можно считать неожиданным, все-таки ее консолидирующий потенциал

не только не утрачивается сколько-нибудь заметно, но и во многом предопределен логикой цивилизационных исканий народов и обществ т.н. единой Европы. Я здесь намеренно не обращаюсь к российской действительности, для которой характерен исконный коллективизм и проявления солидарности и «по идеологическим соображениям», но также и по ценностно-нормативным.

Еще одной любопытной особенностью положения ценности единства в WVS следует назвать ее определяющую роль в закреплении т.н. «приумноженной солидарности» (increased solidarity). Данное понятие осмысливает М. Деббарма, полагая, что «приумноженная солидарность представляет собой стабилизацию различных ценностных структур человеческого бытия в условиях серьезных цивилизационных процессов» (Debbarma 2020: 184). Если рассмотреть эту особенность, имея в виду положение ценности единства в WVS, то можно обнаружить, что во всех волнах всемирного обзора консолидирующий потенциал данной ценности заметно возрастал, даже в период, когда данная ценность смещалась в кластер ценностей выживания. Такое возрастание можно измерить по «шкале» Инглхарта-Вельцеля (Инглхарт, Вельцель 2011). «Приумноженная солидарность» в таком случае проявляется укреплением позиций ценности единства (общности), а также упрочением ее «кластерных связей» (по Р. Инглхарту, К. Вельцелю) с другими ценностными структурами, например, ценностями гражданственности, свободы и т.д. (индекс изменений в WVS не превышал допустимые +0,0800 условных пунктов).

Заключение

Положение ценностей солидарности во Всемирном обзоре ценностей является достаточно стабильным, что может свидетельствовать, с одной стороны, о развитости основанных в том числе на принципах солидарности институтов гражданского общества в различных странах, включая Россию, с другой стороны, об аккумуляции соответствующего опыта ценностных исканий в условиях сложно и неоднозначно протекающих в мире политических, экономических и других процессов.

В статье показано, что при всем том, что положение ценностей солидарности во Всемирном обзоре ценностей (WVS) является устойчивым, даже некоторые изменения в «расстановке сил» способны указывать на изменение приоритетов в коллективных действиях и событиях. Кластеры

ценностей выживания и самовыражения в WVS во многом могут структурироваться по принципу возрастания или снижения «нагрузки» солидарности в современных традиционных обществах, что, по-видимому, может в большей степени отражать объективную картину любых ценностных трансформаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Балакирева С.Ю. Ценности цивилизации во Всемирном обзоре ценностей // Актуальная культура: научный сетевой журнал. 2023а. № 3. С. 1-9 [электронный ресурс]. URL: <http://journal.asu.ru/cc> (дата обращения 30.09.2025).

Балакирева С.Ю. Цивилизационный фактор ценностного кризиса современной культуры (по результатам Всемирного обзора ценностей) // Общество: философия, история, культура. 2023b. № 3. С. 116–122. DOI: 10.24158/fik.2023.3.18

Волегов В.С., Сомхишвили К.О. Всемирный обзор ценностей: возможности и ограничения при анализе консолидационного потенциала территории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 262-273. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-2-262-273.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119-128. DOI: 10.31857/S013216250004966-5

Зуйков А.В. Солидарность и ее экономическая составляющая в конституционном измерении // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 1. С. 135-144. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Левшин С.В. Анализ ценностей России и стран Северо-Восточной Азии (Китая, Японии, Южной Кореи) по данным «Всемирного обзора

ценностей» // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2(23). С. 96-105.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Романов Д.М., Медведев И.А. Глобальный контекст влияния ценностных ориентаций на электоральное поведение россиян // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 1. С. 23-46.

Мухаметов Р.С. Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 134-155. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2655

Попов Е.А. Опыт обобщения трансформации ценностей в условиях современной межкультурной коммуникации (по материалам Всемирного обзора ценностей) // Актуальная культура: научный сетевой журнал. 2023. № 1. С. 1-13.

Фомичева Т.В. К операционализации понятия «социокультурные ценности» в рамках проекта «World Values Survey» // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1 (134). С. 123-131. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-123-131

Amy L. The Value of Solidarity // Southwest Philosophy Review. 2005. Vol. 21(1). P. 61-68.

Arnsperger C., Varoufakis Y. Toward a Theory of Solidarity // Erkenntnis. 2003. Vol. 59. P. 157-188. DOI:10.1023/A:1024630228818

Debbarma M. Importance of Human Values in the Society // International journal of English language, literature in humanities. 2020. Vol. 2, is. 1. P. 181-195.

Dobewall H., Tormos R., Vauclair C. Normative Value Change Across the Human Life Cycle: Similarities and Differences Across Europe // Journal of Adult Development. 2017. № 24 (4). P. 263-276.

Ersoy A.F., Öztürk F. Patriotism as a Citizenship Value: Perceptions of Social Studies Teacher Candidates // Elementary Education Online. 2015. № 14(3). P. 974-992.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2(1). P. 1-8.

Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy Why culture needs a democratic mandate. London: Demos, 2006. 69 p.

House R.J., Hanges P.J. et al. Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 848 p.

Kolers A. A moral Theory of Solidarity. Oxford: Oxford University Press, 2016. 194 p.

Laitinen A., Pessi A.B. Solidarity: theory and practice. Lanham: Lexington Books, 2014. 376 p.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Zanna M. (ed. by). Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1992. P. 1-65.

Smith P.B. Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. № 35. P. 6-12.

Tausch A. Towards New Maps of Global Human Values, Based on World Values Survey // SSRN Electronic Journal. 2015. Vol. 1(1). P. 1-66. DOI: 10.2139/ssrn.2587626

Van de Vijver F.J.R., van Hemert, D.A., Poortinga Y.H. (eds.). Individuals and Cultures in Multilevel Analysis. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2008. 201 p.

Solidarity as a value-semantic Complex: some issues of Theory and Practice of Research

Evgeny A. Popov – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Conflictology. Altai State University. Barnaul, Russia.

E-mail: popov.eug@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to show that understanding solidarity as a value–semantic complex opens up new opportunities not only for interpreting this phenomenon, but also for improving the practices of its scientific research. In this regard, the emphasis is placed on identifying the position of the value-semantic complex of solidarity in the well-known cluster of value research – the World Values Survey. It is revealed that the values of solidarity (equality, justice, and others), despite their strong position in the socio-political system of traditional societies, are nevertheless transformed in the dynamics of modern value structures, which leads to certain changes in the space of culture and human existence. Thus, the article shows that solidarity as a value-

semantic complex is an indicator not only of social changes, but also of socio-cultural changes associated with transformations of specific value structures of human individual and collective existence.

Keywords: solidarity, values, value-semantic complex, values of solidarity.

References

Balakireva, S.Y. (2023) Values of civilization in the Global Review of values. *Actual Culture: a scientific online journal*. No. 3. P. 1-9 [electronic resource]. URL: <http://journal.asu.ru/cc> (date of application: 30/09/2025).

Balakireva, S.Y. (2023) The civilizational factor of the crisis of modern value culture (according to the results of the World Values Survey). *Society: philosophy, history, culture*. 2023b. No. 3. P. 116-122. DOI: 10.24158/fic.2023.3.18

Volegov, V.S., Somkhishvili, K.O. (2025) The world review of values: opportunities and limitations in the analysis of the consolidation potential of the territory. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. Is. 2. P. 262-273. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-2-262-273

Durkheim, E. (1996) *On the division of social labor*. Moscow, Canon Publ. 432 p.

Zubanova, L.B., Zyhovskaya, N.L. (2019) Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma. *Sociological research*. No. 5. P. 119-128. DOI: 10.31857/S013216250004966-5

Zuikov, A.V. (2025) Solidarity and its economic component in the constitutional dimension. *Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right*. No. 1. P. 135-144. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-1-7

Inglehart, R. (2018) *Cultural evolution. How human motivations change and how the world changes*. Moscow, Mysl Publ. 347 p.

Inglehart, R., Welzel, K. (2011) *Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development*. Moscow, New Publishing House. 464 p.

Levshin, S.V. (2016) Analysis of the values of Russia and the countries of Northeast Asia (China, Japan, South Korea) according to the "World Values Survey". *International Journal of Cultural Studies*. No. 2(23). P. 96-105.

Korotaev, A.V., Zinkina, Yu.V., Romanov, D.M., Medvedev, I.A. (2019) The global context of the influence of value orientations on the electoral behavior of Russians. *Moscow Bulletin. Univ. Ser. 27. Globalistics and Geopolitics*. No. 1. P. 23-46.

Mukhametov, R.S. (2025) Interrelation of religiosity and the level of patriotism of citizens of the Russian Federation: analysis of data from the World Values

- Survey. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. No. 3. P. 134-155. DOI: 10.14515/monitoring.2025.3.2655
- Popov, E.A. (2023) The experience of generalizing the transformation of values in the context of modern intercultural communication (based on the materials of the World Values Survey). *Actual Culture: a scientific journal*. No. 1. P. 1-13.
- Fomicheva, T.V. (2020) Towards the operationalization of the concept of "socio-cultural values" in the framework of the project "World Values Research". *Social Policy and Sociology*. Vol. 19. No. 1(134). P. 123-131. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-1-123-131
- Amy, L. (2005) The Value of Solidarity. *Southwest Philosophy Review*. Vol. 21(1). P. 61-68.
- Arnsperger, K., Varoufakis, Y. (2003) Towards the theory of solidarity. *Erkenntnis*. Vol. 59. P. 157-188. DOI:10.1023/A:1024630228818
- Debbarma, M. (2020) The importance of universal human values in society. *International Journal of English Language, Literature and Humanities*. Vol. 2(1). P. 181-195.
- Dobwall, N., Tormos, R., Voeckler, S. (2017) Changing normative values throughout the human life cycle: similarities and differences in Europe. *Journal of Adult Development*. No. 24(4). P. 263-276.
- Ersoy, A.F., Ozturk, F. (2015) Patriotism as a civic value: the perception of candidates for teachers of social studies. *Primary education online*. № 14(3). P. 974-992.
- Hofstede, G. (2011) Measuring cultures: The Hofstede model in the context. *Online Readings on psychology and Culture*. Vol. 2(1). P. 1-8.
- Holden, J. (2006) *Cultural value and the crisis of legitimacy, why culture needs a democratic mandate*. London, Demos. 69 p.
- House, R.J., Hanges, P.J. et al. (2004) *Culture, Leadership, and Organizations.: A Global Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, California, Sage Publications. 848 p.
- Kohlars, A. (2016) *The moral theory of solidarity*. Oxford, Oxford University Press. 194 p.
- Laitinen, A., Pessi, A.V. (2014) *Solidarity: theory and practice*. Lanham, Lexington Books. 376 p.
- Schwartz, S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: theoretical achievements and empirical tests in 20 countries. In: Zanna M. (ed.). *Achievements in experimental social psychology*. New York, Academic Press, pp. 1-65.

Smith, P.B. (2004) Nations, Cultures, and Individuals: New Perspectives on old Dilemmas. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. No. 35. P. 6-12.

Taush, A. (2015) On the way to new maps of global human values based on a review of world values. *Electronic Journal SSRN*. Vol. 1(1). P. 1-66. DOI: 10.2139/ssrn.2587626

Van de Wijver, F.J.R., van Hemert, D.A., Poortinga, Y.H. (eds.). (2008) *Individuals and cultures in a multi-level analysis*. Mahwa, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates. 201 p.

Статья поступила 08.12.2025
Принята к публикации 01.04.2026